

DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

UDC 316.73
LBC 60.56

Submitted: 24.07.2023
Accepted: 16.11.2023

INDUSTRIAL AREAS OF THE CITY: STRATEGIES FOR WORKING WITH THE PAST

Larisa G. Iivitskaya

Samara State Medical University, Samara, Russian Federation

Abstract. The search for ways and mechanisms to optimize the state of industrial areas requires an appeal to their historical past. World and domestic experience shows that the past, including the industrial one, can become one of the main “growth points” of the city, actualizing its new functions and meanings. The latter can be considered from the standpoint of the “symbolic economy”, which implies their transformation into material results. This article is an attempt to assess the historical potential of industrial areas in the symbolic and image aspects. The industrial area of Samara, Bezmyanka, was taken as the object of study. The paper identifies and substantiates four basic strategies for working with the past in relation to urban loci. On the ways of connecting the subjective and the objective, the real and the “imaginary”, the degree of their implementation in relation to the territory under consideration is shown. The empirical base of the study was the results of a survey of residents of Samara (sample – 225 people), as well as secondary data obtained in the course of a study dedicated to Bezmyanka (performers: E.S. Baeva, O.N. Zaporozhets, sample – 360 people, 2007). The analysis showed that at the moment, due to the predominance of strategies for forgetting history and / or its narrowing, the historical potential of this area from the point of view of the townspeople can be assessed as low. That small layer of “historical”, which is declared in the practices of commemoration and which the residents of the city point to, has a military-industrial coloring. And it is clearly not enough to overcome the negative imagery of the area. A strategy based on the principle of inheritance and associated with the implementation of initiatives of various urban communities at the level of urban mentality has not yet received a proper response.

Key words: city, meaning, history, past, strategy, industrial area, Bezmyanka.

Citation. Iivitskaya L.G. Industrial Areas of the City: Strategies for Working with the Past. *Logos et Praxis*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 147-156. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

УДК 316.73
ББК 60.56

Дата поступления статьи: 24.07.2023
Дата принятия статьи: 16.11.2023

ИНДУСТРИАЛЬНЫЕ РАЙОНЫ ГОРОДА: СТРАТЕГИИ РАБОТЫ С ПРОШЛЫМ

Лариса Геннадьевна Иливицкая

Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. Поиск путей и механизмов оптимизации состояния промышленных районов требует обращения к их историческому прошлому. Мировой и отечественный опыт свидетельствует, что прошлое, в том числе и индустриальное, способно стать одной из главных «точек роста» города, актуализируя его новые функции и смыслы. Последние могут быть рассмотрены с позиций «символической экономики», предполагающей их трансформацию в материальные результаты. Данная статья представляет собой попытку оценить исторический потенциал индустриальных районов с точки зрения символических и образных возможностей. В качестве объекта исследования взят промышленный район г. Самары – Безымянка. В работе выделены и обоснованы четыре базовые стратегии работы с прошлым применительно к городским локусам. На путях соединения субъективного и объективного, реального и «воображаемого» показана степень их реализации в отношении рассматриваемой территории. Эмпирическую базу исследования составили результаты опроса жителей Самары (выборочная совокупность – 225 чел.), а также вторичные данные, полученные в ходе

исследования, посвященного Безымянке (исполнители: Е.С. Баева, О.Н. Запорожец, выборочная совокупность – 360 чел., 2007 г.). Анализ показал, что в настоящий момент в связи с преобладанием стратегий забвения истории и/или ее сужения исторический потенциал данного района с точки зрения горожан можно оценить как низкий. Тот небольшой пласт «исторического», который заявлен в практиках коммеморации и на который указывают жители города, имеет военно-промышленную окраску. И его явно недостаточно для преодоления негативной образности района. Стратегия, основанная на принципе наследования и связанная с реализацией инициатив различных городских сообществ на уровне городской ментальности, пока еще не получила должного отклика.

Ключевые слова: город, смысл, история, прошлое, стратегия, индустриальный район, Безымянка.

Цитирование. Иливицкая Л. Г. Индустриальные районы города: стратегии работы с прошлым // *Logos et Praxis*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 147–156. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2023.4.15>

Введение

Современная постиндустриальная реальность ставит перед российскими промышленными районами задачу поиска новых путей и способов их включения в общее городское пространство. Оговоримся сразу, что такая задача стояла перед ними всегда. С самого начала своего появления на карте города им было отказано в получении «равных прав» и отведена роль городских «изгоев»¹. И это не смотря на то, что их реальное значение было крайне велико. Данные районы, будучи связанными с процессами индустриализации, по сути, являлись «точками роста» городского развития. В настоящее время, в связи с уходом из города индустриальной экономики, положение промышленных районов лишь усугубилось. Их промышленный потенциал, который хотя и воспринимался неоднозначно, но все же являлся, пожалуй, единственным основанием для формирования их положительного имиджа, утратил свое значение. Новые же основания не были сформированы. Причем необходимость их поиска в настоящее время обусловлена не только вопросом выживаемости самих индустриальных районов. Проблема значительно шире. По мнению ряда исследователей, будущее всего города во многом зависит от успешности оптимизации состояния именно данных городских территорий [Ревзин 2019].

Современные исследователи сходятся во мнении, что возможные варианты развития индустриальных районов (и городов) связаны с двумя магистральными направлениями. Первое – экономико-технологическое. Оно требует модернизации их промышленной базы, путем адаптации сложившейся промышленной структуры к новым экономическим условиям.

Второе акцентирует внимание на таких мерах по развитию города, которые определяются как гуманитарные [Стародубровская (ред.) 2011]. Как отмечает Ш. Зукин, к ним прибегают в тех случаях, когда действия по промышленной реабилитации не дали положительного результата [Зукин 2015]. Одним из вариантов реализации гуманитарного подхода как раз и является обращение к историческому наследию, способствующему возрастанию ценности промышленных районов, формированию их новой смысловой наполненности и облегчающее их вхождение в пространство города. В специальной брошюре ЮНЕСКО 2011 г. говорится, что «городское наследие является ключевым ресурсом для улучшения удобства городских районов и способствует экономическому развитию и социальной сплоченности в меняющейся глобальной обстановке» [Новая жизнь... web].

Обращаясь к российским реалиям, следует отметить, что историческому наследию индустриальных городов посвящено значительное число исследований. В тоже самое время, несмотря на наличествующий запрос, касающийся создания новых позитивных репрезентаций промышленных территорий, их история на настоящий момент не стала активным ресурсом для данного процесса. По мнению Е.Г. Трубиной, индустриальное наследие можно охарактеризовать как «бросовое приданое». Включение его в процессы «положительного», «продуктивного» смыслообразования не происходит. Оно либо игнорируется, либо работает на негативный образ [Трубина web]. Справедливости ради отметим, что все же отдельные российские города начинают привлекать индустриальное прошлое для городского развития. Например, в этом направлении активно работает Екатеринбург, реали-

зую различные проекты, в отношении такого промышленного городского района как Уралмаш [Проект... 2017]. На то, будет ли успешен подобный опыт, и насколько будет, влияет целый ряд факторов. Ведь в создании образов прошлого принимают участие различные акторы городской жизни. В терминологии М. де Серто они определяются как «создатели» – специалисты и «потребители» – жители [Серто 2013]. В нашем исследовании акцент сделан, прежде всего, на жителях города. Представленность истории промышленного района в ментальности горожан на сегодняшний день достаточно малоизученная область. Так, например, представлениям горожан о местах памяти посвящена работа Н.В. Веселковой, Е.В. Прямиковой, М.Н. Вандышева «Места памяти в молодых городах» [Веселкова 2017]. В центре внимания авторов находятся четыре моногорода уральского региона, возникшие в середине XX в.: Заречный, Лесной, Красноуральск и Качканар. К территориальной идентичности жителей индустриальных районов обращаются А.В. Ваньке, Е.В. Полухина [Ваньке 2018]. Данную проблему они рассматривают на примере двух кейсов: территорий вокруг завода имени И.А. Лихачева и Уралмашзавода. Целью же нашего исследования является определение исторического потенциала индустриального района с точки зрения горожан, выявление их готовности увидеть данную территорию в качестве места, имеющее свою историю.

Методология и методы исследования

Любой город с неизбежностью сохраняет в своем бытии собственное прошлое, запечатлевает и хранит историю. В этом видится одна из его сущностных характеристик. Констатируя этот факт, следует в то же время отметить, что городское пространство это не просто результат напластования времен и форма их сохранения. Оно одновременно выступает способом их упорядочивания и воспроизводства. «Город – механизм, постоянно заново рождающий свое прошлое» [Лотман 2002, 31]. Прошлое в данном случае являет собой не некую «объективную реальность» (хотя такой его статус крайне сомнителен и в отношении любого иного социокультурного феномена). Оно – ре-

зультат интерпретации, конструирования. Прошлое – это образ самого себя. И каждое «настоящее» порождает свое «прошлое». В этом плане история города представляет собой лишь наличие большого количества возможностей для актуализации того или иного его образа. Город в своем актуальном бытии осуществляет процесс выборочного отражения собственного исторического пути, выхватывая, извлекая из многослойной реальности прошлого те или иные его составляющие с целью их актуализации в качестве наиболее значимых. Ситуация постоянного переосмысления означает, что происходит вытеснение реального движения истории, и замена его иной, более подходящей для данного момента разбивкой времени. История, представленная в настоящем города, никогда не совпадает с настоящей историей.

Работа города со своим прошлым – это очень сложный процесс, который ставит перед исследователем широкий круг вопросов. Мы остановимся лишь на одном из них, обусловленном целью нашего исследования. Речь идет о стратегиях, которые могут быть реализованы по отношению к городскому пространству с целью удержания и формирования прошлого и его смыслов. На наш взгляд, можно говорить, по крайней мере, в четырех стратегиях подобного рода.

Первая стратегия предполагает, что прошлое должно быть полностью забыто, вычеркнуто из памяти, «обнулено». По мнению Ю.М. Лотмана, данная ориентация носит цивилизационный характер и связана, прежде всего, с таким феноменом, как «идеальный город». Он пишет: «Идеальный искусственный город, создаваемый как реализация рационалистической утопии, должен был быть лишен истории, поскольку разумность “регулярного государства” означала отрицание исторически сложившихся структур. Это подразумевало строительство города на новом месте и, соответственно, разрушение всего “старого”, если оно здесь находилось» [Лотман 2002, 33]. Подчеркнем (в связи с дальнейшим направлением исследования), что отказ от прошлого, начало истории «с чистого листа» – это подход, который активно использовался в ходе советской индустриализации в отношении так называемых «соцгородов».

Вторая стратегия не предполагает отказ от прошлого, но его актуализируемый объем представлен ограниченным спектром событий и смыслов, заданных историей. Такая ситуация может быть обусловлена различными факторами и обстоятельствами. Однако, какими они бы не были, жизнеспособность города именно как города в этом случае ставится под сомнение. «Наличие истории является неперенным условием работающей семиотической системы <...> Именно принципиальный семиотический полиглотизм любого города делает его полем разнообразных и в других условиях невозможных семиотических коллизий» [Лотман 2002, 36]. По сути, ограниченность прошлого и связанных с ним смыслообразующих проекций, создающих идентичность города, может быть оценена как деградация. Обращаясь к понятию деградация, мы используем ту ее трактовку, которая представлена в работах Т.Ю. Быстровой. Не замыкаясь на физических смыслах данного понятия, она применительно к историко-культурному наследию, прежде всего архитектурному, определяет его как «утрату функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванную недооценкой его ценности и социально-экономического и культурного потенциала» [Быстрова 2019, 27].

Согласно третьей стратегии настоящее предстает как результат исторической динамики. Оно мыслится в аспекте «большого времени», благодаря чему городское пространство получает возможность быть соотношенным со значительным «историческим объемом», задающим широкий спектр смысловых проекций. Однако, данная стратегия предполагает, что в основе отношения к истории лежит принцип преэминентности: прошлое подлежит сохранению в неизменном виде. Негативные последствия реализации данного принципа связаны с его абсолютизацией. В этом случае, город оказывается жестко зафиксированным в своем прошлом. Он утрачивает связь с живой историей: прошлое начинает подчинять себе настоящее, лишая органичности и динамичности их отношения. В результате город уподобляется «открыточному набору исторических объектов». Он оказывается как бы вне истории, так как его достопримечательности «воспринимаются как исконные, вечные, неизмен-

ные репрезентанты (и доминанты)» [Запорожец, Лавринец 2006, 18] данной территории.

Четвертая стратегия, являясь в начальных своих установках продолжением предыдущей, ориентирована не просто на сохранение прошлого в неизменном виде. Она предполагает его постоянную актуализацию исходя и принципа наследования. История здесь утрачивает статичность и неизменность. Она «предстает не только как актуальная, но и как открытая в будущее» [Аванесов 2018, 24]. Прошлое становится источником и катализатором инновационной активности, направленной на трансформацию городского пространства, перереформирование его маркировок. Переоценка историко-культурного прошлого выступает основанием для нахождения и реализации новых смыслов, задающих актуальную идентификацию конкретному городскому локусу, формирующих его символический капитал.

Следует отметить, что выделенные стратегии в чистом и/или единичном виде фактически себя не обнаруживают. В любом городе представлено скорее их сочетание, характер которого может носить вариативный характер: паритетности, приоритетности, исключения и т. п.

Обращаясь к проблеме индустриальных районов города, мы, на примере Самары и его первого промышленного района – Безымянки, попытались проследить, какие стратегии задействованы горожанами по отношению к ее прошлому и какой облик они формируют. Акцентирование внимания на Безымянке позволяет, как говорить о локальном опыте, об «эффекте места», так и апеллировать к сравнению с другими городами в поисках наиболее эффективных способов решения общих проблем. А сопоставлять есть с чем. Районы, подобные Безымянке, наличествуют в Екатеринбурге, Ижевске, Казани, Нижнем Новгороде, Челябинске и многих иных российских городах.

Эмпирической базой исследования стали результаты онлайн-анкетирования жителей Самары на основе комбинированной выборки, включающую квотную и целевую. Квотная выборка строилась на основе распределения жителей города по таким признакам как пол, возраст, место проживания (район города). В исследовании было опрошено 225 человек, из них 56,3 % женщин и 43,7 % муж-

чин. По возрасту респонденты распределились следующим образом: до 24 лет – 11,7 %, 25–34 года – 22,3 %, 35–44 года – 21,5 %, 45–54 года – 15,3 %, 55–65 лет – 18,3 %, старше 65 лет – 10,9 %. Среди опрошенных 21,8 % – жители Промышленного района, 19,7 % – Кировского, 13,5 % – Советского, 12,3 % – Октябрьского, 7,9 % – Красноглинского, 7,5 % – Куйбышевского, 8,8 % – Железнодорожного, 5,4 % – Ленинского, 3,1 % – Самарского. Следует отметить, специфика Безымянки как городской территории такова, что она не имеет административного статуса. К ней относятся часть территорий Промышленного, Советского и Кировского районов города. Причем, даже на ментальном уровне ее границы крайне подвижны. Поэтому вопрос о том, является ли опрашиваемый жителем Безымянки решался путем самоидентификации. Количество тех, кто считает, что он проживает на Безымянке, составило 47,6 %. На этом основании в исследовании использовалась целевая выборка, позволяющая определить общие и специфические тенденции в ее восприятии как со стороны тех, кто проживает на ее территории, так и тех, кто указал местом жительства другие районы города. Сразу оговорился, что на данном разграничении акцент в работе не сделан, но на наиболее выраженные несовпадения указано. Также в работе были привлечены результаты социологического исследования 2007 г., посвященного проблемам Безымянки. Исполнители – Е.С. Баева, О.Н. Запорожец. Выборочная совокупность – 360 человек.

Результаты исследования

Безымянка – это часть Самары, которую относится к сильным вернакулярным районам города [Безымянка web]. Как уже было сказано выше, она не имеет административного статуса, ее территория задана только на ментальном уровне. А само название присутствует лишь в повседневном дискурсе горожан. Тем не менее именно Безымянка ассоциируется у самарцев с индустриальным прошлым (и настоящим) города.

Рождение Безымянки в качестве первого района города с неизбежностью предполагало стирание всей предшествующей истории. Связано это с тем, что она должна была стать не

только площадкой для индустриального развития Самары, но и воплотить идеи популярной в то время концепции соцгорода. План строительства нового района города был утвержден в 1934 г. и сразу начал реализовываться. Парадоксально, но возникновение Безымянки в качестве соцгорода не стало датой ее основания. В советский период официальное рождение Безымянки было связано с Великой Отечественной войной, со временем, когда в Куйбышев (в то время так называлась Самара) были эвакуированы заводы из западных регионов страны. Таким образом, Безымянка – это территория, которая неоднократно обнуляла свое прошлое. Сначала попытка построения соцгорода отменила всю ее предыдущую историю, берущую свое начало с 1903 г., а потом и сам проект реализации данной градостроительной концепции был забыт. В настоящее время, несмотря на то, что ее историческое прошлое восстановлено (и продолжает восстанавливаться) для значительной части жителей города Безымянки – это район, возникший в начале войны. По результатам проведенного исследования так считают 39,6 % опрошенных (см. табл. 1).

Таблица 1

Время возникновения Безымянки (в % к общему числу опрошенных)

Время основания Безымянки	%
В начале XX в.	14,1
В 30-е гг. XX в.	22,2
В годы Великой Отечественной войны	39,6
Другое	21,8
Не знаю	2,3

Однако стратегия обнуления прошлого обнаруживает себя не только в отношении начального периода существования Безымянки. Другой ее аспект связан с тем, что она не воспринимается большинством жителей как место, обладающее, наделенное историей. Так, в ходе исследования респондентам было предложено назвать три прилагательных (открытый вопрос), которые в наибольшей степени применимы к данному району. Большинство указывали на его промышленную ориентацию, оценивали его как место жительства. Но при этом фактически отсутствовали ответы, которые можно было бы трактовать как отсылку к ее историческому прошлому. Речь идет, например, об ис-

пользовании таких прилагательных как «советский», «исторический», «соцгородской» и т. п. Ответы на вопрос об информированности жителей о прошлом Безымянки также подтверждает ее неисторичность. Только каждый четвертый опрошенный (24,1 %) посчитал, что он знаком с историей района. Около половины же затруднилось ответить на этот вопрос (48,9 %). Остальные признались, что они не знают о прошлом данной территории.

Таким образом, несмотря на реконструирование исторической наукой, краеведением «биографии» района, «легализацию» событий прошлого, имеющих место на протяжении более чем 100 лет его существования, забвенные истории до сих пор является одним из значимых моментов в восприятии Безымянки.

Однако, было бы опрометчиво и несправедливо утверждать, что только стратегия обнуления применима к Безымянке. «Историческое» все же в ней тоже обнаруживается. По содержанию оно может быть охарактеризовано как военно-промышленное, а по форме существования – как точечное. Индустриальный характер прошлого определяется тем, что оно замкнуто в основном на истории заводов и предприятий. Точечность же проистекает из того, что история стыкуются с Безымянкой только в момент основания последней, причем основания, предложенного советским краеведением.

Нагляднее всего о таком положении дел свидетельствуют архитектурные памятники, являющиеся одним из популярных видов материальных трансляторов культурной памяти, значимыми объектами сохранения прошлого. Как отмечает Я. Ассман, существование культурной памяти обеспечивается не только благодаря воспоминаниям людей. Внешние символы для нее не менее важны, обуславливая «контакт между помнящим разумом и напоминающим объектом» [Assmann 2011, 17].

Следует отметить, что подавляющее большинство немногочисленных памятников, которые отражают исторический путь Безымянки, были созданы во второй половине XX века. Статус объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) федерального и регионального значения имеют четыре и них. Причем, только один непосредственно связан с историей района. Речь идет о самолете-штурмовике ИЛ-2, являющимся

данью памяти труду и боевой славе куйбышевцев в годы Великой Отечественной войны. Однако, хотелось бы обратить особое внимание на его местоположение. Памятник находится за ментальными границами района, однако, он ассоциируется не с городом в целом, а именно с Безымянкой. Если обратиться к другим объектам коммеморации, созданным в это время, то они продолжают заданную военно-промышленную тематику. Речь, например, идет о памятнике шоферам, погибшим в годы Великой Отечественной войны – автомобиль «ЗИС»; Аллее трудовой славы, монументы которой отражают вклад куйбышевских заводов в победу и ряде других.

В восприятии горожан, как показало исследование, историческое прошлое Безымянки, возникает только в случае заданного респондентам выбора. Так вопрос, об информированности респондентов относительно истории района, показал, что о ней можно говорить только в связи с событиями Великой Отечественной войны. «Эвакуация заводов» (11,6 %) «строительство заводов» (6,2 %) «подвиг заводчан» (3,6 %), «выпуск Ил-2» (1,3 %) – вот те значимые в прошлом события, которые были названы респондентами. Другие временные периоды не имеют никаких знаковых исторических маркеров.

Несмотря на всю важность событий данного периода и для Безымянки, и для Самары в целом, такая – фактически монополярная его представленность в исторической памяти, вызвала и продолжает вызывать очень неоднозначные последствия. С одной стороны, именно с промышленным потенциалом связано значение Безымянки. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос о роли района в жизни города (см. табл. 2).

Таблица 2

**Роль Безымянки в жизни города
(средний балл
по пятибалльной системе оценок)**

Направление	Балл
Культурная жизнь города	2,59
Развитие промышленного потенциала города	4,22
Образовательная сфера города	2,78
Обеспечение досуга жителей	2,62
Жизнь города в целом	3,45

Аналогичные выводы были сделаны в ходе исследования 2007 г. (исполнители: Е.С. Баева, О.Н. Запорожец). Его результаты показали, что каждый третий респондент на вопрос о том, что составляет гордость Безымянки, отметил, что это – «ее предприятия, заводы» [Баева, Запорожец 2007, 25].

С другой стороны, сосредоточение на территории района большого количества заводов дополненное такими факторами как: «сокращенная» история, непонимание роли Безымянки в создании ряда учреждений высшего и среднего профессионального образования, непризнание культурного и образовательного уровня ее жителей способствовало тому, что сформировалась негативная образность, носящая весьма устойчивый характер. И свидетельств тому много. Так, например, в серии интервью, проведенных самарским интернет-журналом «Другой город», представлены воспоминания о Безымянке 60–70-х гг. XX века. Директор Самарского филиала МТС А. Меламед, чье детство прошло на Безымянке, отмечает: «Какой мы видели Безымянку каждый день? Хороший, спокойный район. Ту легендарную часть Безымянки, которой пугали детей из центра, мы не знали, не знали даже, где она находится» [Кнорр... web б]. Заместитель председателя Правительства Самарской области А. Фетисов вспоминает: «Я до сих пор помню, как Марья Михайловна выстраивает нас и говорит: “И приходит он, с лицом типичного безымянского дэбила!”» [Кнорр... web а]. Представленное в этих цитатах указание на негативную образность района у значительной части самарцев в той или иной форме встречается и в других интервью.

В уже упомянутом нами исследовании Безымянки 2007 года был задан вопрос: «Когда говорят “Безымянка”, все имеют в виду...». Ответы респондентов воспроизводили ее негативные характеристики: «рабочий район, промзона» (16,9 %), «окраина города» (9,2 %), «отсталый район», «дно Самары» (5,3 %), «района рабочего класса» (4,4 %). Только одно из определений, данных респондентами, носило нейтральный характер. Безымянка виделась как «один из районов города» (11,8 %) [Баева, Запорожец 2007, 25].

В нашем исследовании также предлагалось охарактеризовать Безымянку (закрытый вопрос: «Какое определение Безымянки ка-

жется Вам наиболее верным?»). И опять лидировали негативные мнения: «рабочий район» (33,4 %), «промзона» (14,0 %), «спальный район» (10,7 %), «городская окраина» (7,9 %). Однако, следует отметить, что к нейтральным оценкам – «обычный район города» (14,3 %), были добавлены и положительные: «второй исторический центр» (12,9 %), «удобный для проживания район» (6,8 %).

Можно сделать вывод о том, что для горожан Безымянка по-прежнему остается промышленной частью Самары, концентрирующей в себе негативные составляющие образа. В то же время следует отметить тенденцию, связанную с тем, что ее возрастной аспект постепенно приобретает историческую окраску, которая позволяет увидеть в ней еще один центр города, отсылающий к советскому периоду существования Самары. Мы не станем утверждать, что это уже устоявшееся мнение, тем более его выраженность напрямую связана с местом проживания респондентов. Более склоны оценивать свой район с исторической точки зрения жители Безымянки. Она ассоциируется со вторым историческим центром города для каждого пятого (20,0 %). В то время как жители других районов не столь оптимистичны. Только 6,8 % из них разделяют эту точку зрения.

Говорить о том, что новые смысловые акценты в восприятии района связаны со стратегиями, в основе которых лежат принципы преемственности и наследования, было бы преждевременно. Но и отвергать их наличие по отношению к Безымянке тоже нельзя. Представленность данных стратегий имеет разную степень выраженности, и обусловлена активностью как официальных, так и неофициальных субъектов городского пространства.

На официальном уровне признание исторического прошлого за данными городским локусом нашло отражение том, что в начале XXI в. на Безымянке был оставлен ряд архитектурных памятниках, в которых нашло отражение все та же военно-промышленная тематика: Триумфальная арка на Аллее трудовой славы (2015 г.); скульптура «Женщина-мать» в сквере «Родина» (2015 г.) и ряд других. В то же самое время была предпринята попытка задать новую смысловую линию в восприятии данного района. На рубеже XX–XXI вв. более 50 жилых домов получили ста-

тус выявленных объектов культурного наследия. Тем самым признавался факт того, что Безымянка обладает уникальным архитектурным обликом, соотносимым с ведущими стилями 40–60-х гг. XX века. Однако, как справедливо пишет М.С. Ильченко, имиджевые проблемы промышленных районов не решаются путем внесения их зданий в «списки охраны». Это только позволяет сформулировать проблему [Ильченко 2017, 217]. По результатам проведенного исследования архитектурное своеобразие Безымянки на сегодняшний день никак не актуализировано в ментальности горожан. Ответов, в которых бы указывалось на ее интересные градостроительные решения, красоту домов и улиц, стилевые особенности и т. п., респонденты не дали. А вот новые памятники, связанные с привычной безымянской тематикой уже получили небольшую, но все-таки известность. Они пусть и редко, но указываются в качестве достопримечательностей района, которые известны опрошенным (чуть более 3 % опрошенных).

Активизация интереса к прошлому Безымянки можно зафиксировать через наличие достаточно большого числа инициатив городского сообщества. Это и публикации различного рода (статьи, воспоминания, личные впечатления, интервью); и экскурсионные программы; и литературные произведения, специализированные сайты, посвященные району; и фотовыставки о его прошлом; и инициирование вопросов, связанных с формированием позитивного имиджа Безымянки общественностью района.

Образ прошлого, формируемый в ходе подобного рода активностей, по своему смысловому содержанию значительно шире. Он строится скорее исходя из стратегии наследования. Военная, промышленная тематика хоть и присутствует, но она не столь явно и ярко выражена. Безымянка предстает благодаря им, в частности, как мир советской повседневности (без политики и идеологии, но с нотками ностальгических переживаний). Или в истории района обнаруживаются новые персонажи. Например, «король» всех местных попрошайек Алямс или знаменитые безымянские фураги. Да, новые герои не столь однозначны, как директора заводов и предприятий. Но они тоже часть истории, связанной с Безымянкой, составляющие ее многогранного облика. Свое место в городской па-

мяти получает и одна из самых трагичных страниц прошлого района. Речь идет о печально известном Безымянлаге. Это далеко не полный перечень тем, благодаря которым различные инициативные городские сообщества пытаются трансформировать привычный облик района, наполнить его позитивным смысловым звучанием, придавать историческую ценность.

Однако, следует признать, что на сегодняшний день существующие проекты и инициативы носят крайне разрозненный характер, а их количество и масштаб все же недостаточны для того, чтобы прошлое Безымянки получило новый язык для своего описания, а она сама преодолела свою промышленную стигматизацию в восприятии горожан.

Выводы

Таким образом, в отношении Безымянки можно говорить о присутствии всех выделенных стратегий. Но степень их выраженности различна. На сегодняшний день, базовой стратегией, формирующей облик ее прошлого, являются обнуления. Забвение истории, которое было положено в основание данного района стало общей тенденцией на протяжении как советского, так и постсоветского периодов его существования. В городской ментальности сложился образ городской территории лишенной историчности. И это не смотря на то, что путь пройденной Безымянкой насчитывает уже более 100 лет. Ее видение горожанами, прежде всего, обусловлено ее изначальной функциональной заданностью. В представлениях горожан Безымянка – это, в первую очередь, рабочий район с негативной образностью, не обладающий историческим статусом.

Второй по значимости стратегией выступает стратегия, связанная с признанием истории района в очень ограниченном объеме. Для того небольшого числа жителей, которые способны увидеть Безымянку с точки зрения ее прошлого, история концентрируется в очень коротком промежутке времени, а именно, в моменте ее рождения, заданного советским краеведением. И связана она с военно-промышленной тематикой. По сути, никакие другие периоды существования Безымянки не рассматриваются жителями города в аспекте историчности. Как следствие история Безымян-

ки – это история появления ее заводов в годы Великой отечественной войны.

Эксплуатация военно-промышленной темы в практиках коммеморации в настоящее время (реализация стратегии преемственности) хотя и получает отклик (пусть и незначительный) в ментальности горожан, однако не меняет общей негативной образности района, а также не расширяет пространство ее историчности.

Попытки же как с официальной стороны, так и со стороны городских сообществ актуализировать новые смыслы, связанные с прошлым района (стратегия наследования) и лежащие за границами привычного его прочтения, не нашли отражения в ментальности горожан. Устоявшийся имидж Безымянки не позволяет горожанам увидеть, например, ее оригинальный архитектурный облик, новых «гениев места», соотнести с актуальными для своего времени градостроительными поисками и т. п.

Если новые смыслы прошлого оказались пока не востребованными горожанами, то тенденция осознания горожанами Безымянки как значимого исторического феномена все же обнаруживается. Правда, эта тенденция пока не имеет масштабного характера и напрямую связана с местом жительства. Так, в границах самой Безымянки происходит постепенное признание ее прошлого, находящее свое выражение в стремлении увидеть в ней не просто один из районов города, а второй исторический центр.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Справедливости ради следует отметить, что неприятие промышленных районов – это не российский феномен, негативное маркирование носит глобальный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аванесов 2018 – *Аванесов С.С.* Городское пространство как антропологический феномен // *Праксема*. 2018. № 2. С. 10–31.
- Баева, Запорожец 2007 – *Баева Е.С., Запорожец О.Н.* Результаты опроса жителей Промышленного, Кировского, Советского, Красноглинского районов: анализ. записка [Рукопись]. Самара, 2007.
- Безымянка web – Безымянка [Естественная география и качество жизни в Самаре] // <http://opensamara.com/node/12>
- Быстрова 2019 – *Быстрова Т.Ю.* Деградация и реабилитация историко-архитектурного наследия: функционально-типологический подход // *Академический вестник УралНИИпроект РААСН*. 2019. № 3 (42). С. 26–30.
- Ваньке 2018 – *Ваньке А.В., Полухина Е.В.* Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства // *Laboratorium: Журнал Социальных Исследований*. 2018. № 10 (3). С. 4–34.
- Веселкова 2017 – *Веселкова Н.В., Вандышев М.Н., Прямикова Е.В.* Молодые города: масштабы мест памяти // *Социологическое обозрение*. 2017. Т. 16, № 3. С. 36–65.
- Запорожец, Лавринцев 2006 – *Запорожец О., Лавринцев Е.* Прятки, городки и другие исследовательские игры (Urban Studies: в поисках точки опоры) // *Communitas*. 2006. № 1. С. 5–19.
- Зукин 2015 – *Зукин Ш.* Культуры городов. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
- Ильченко 2017 – *Ильченко М.С.* Уралмаш между «наследием» и «утопией»: архитектура авангарда в поисках языков описания // *Неприкосновенный запас*. 2017. № 4. С. 215–235.
- Кнорр web а – *Кнорр А.* «Безымянка – второй город». Александр Фетисов о Безымянке своего детства: воронежское землячество, ресторан «Восток» и брутально-рафинированная школа // <https://drugoigorod.ru/fetisov-about-bezymynka>
- Кнорр web б – *Кнорр А.* Ту Безымянку, которой пугали детей из центра, мы не знали // <https://drugoigorod.ru/melamed-bezymynka>
- Лотман 2002 – *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // *Лотман Ю.М. История и типология русской культуры*. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 30–45.
- Новая жизнь... web – Новая жизнь исторических городов: изложение подхода, ориентированного на исторические городские ландшафты. ЮНЕСКО, 2013 // <https://whc.unesco.org/document/128592>
- Проект... 2017 – Проект «Уралмаш»: культурное будущее [пост]индустриальных городов: материалы Междунар. симпозиума (Екатеринбург, 31 мая – 3 июня 2017 г.). Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2017.
- Ревзин 2019 – *Ревзин Г.И.* Что можно сделать из старого города? // *Коммерсантъ Weekend*. 2019. № 42. С. 18.
- Серто 2013 – *Серто М. де.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
- Стародубровская (ред.) 2011 – *Стародубровская И. (ред.)*. Стратегии развития старопромышлен-

ных городов: международный опыт и перспективы в России. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. Трубина web – Трубина Е.Т. Примиряясь с упадком: руины 2.0 [Неприкосновенный запас. 2013. № 3] // <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/primiryayas-s-upadkom-ruiny-2-0.html>
Assmann 2011 – Assmann J. Communicative and Cultural Memory // Meusburger P., Heffernan M., Wunder E. (Eds.). Cultural Memories. The Geographical Point of View. Dordrecht: Springer. P. 15–28.

REFERENCES

- Avanesov S.S., 2018. Urban Space as an Anthropological Phenomenon. *Praksema*, no. 2, pp. 10-31.
- Baeva E.S., Zaporozhec O.N., 2007. *Results of a Survey of Residents of Promyshlenny, Kirovsky, Sovetsky, Krasnoglinsky Districts: Analytical Note [Manuscript]*. Samara.
- Bezmyanka. *Estestvennaya geografiya i kachestvo zhizni v Samare*. URL: <http://opensamara.com/node/12>
- Bystrova T.Yu., 2019. Degradation and Rehabilitation of Historical and Architectural Heritage: Functional and Typological Approach. *Akademicheskij vestnik UralNIiproekt RAASN*, no. 3 (42), pp. 26-30.
- Vanke A.V., Polukhina E.V., 2018. Territorial Identity in Industrial Areas: Cultural Practices of Factory Workers and Contemporary Art Workers. *Laboratorium: Journal of Social Research*, no. 10 (3), pp. 4-34.
- Veselkova N.V., Vandyshv M.N., Pryamikova E.V., 2017. Young Cities: The Scale of Places of Memory. *Sotsiologicheskoye obozreniye*, vol. 16, no. 3, pp. 36-65.
- Zaporozhec O., Lavrinec E., 2006. Hide and Seek, Towns and Other Exploratory Games (Urban Studies: In Search of a Foothold). *Communitas*, no. 1, pp. 5-19.
- Zukin Sh., 2015. *Cultures of Cities*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ.
- Ichenko M.S., 2017. Uralmash Between “Heritage” and “Utopia”: Avant-Garde Architecture in Search of Description Languages. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 4, pp. 215-235.
- Knorr A. “Bezmyanka – The Second City”. *Alexander Fetisov About the Bezmyanka of His Childhood: The Voronezh Community, the Vostok Restaurant and the Brutally Refined School*. URL: <https://drugoigorod.ru/fetisov-about-bezimyanka>
- Knorr A. *That Bezmyanka, Who Scared the Children from the Center, We Did Not Know*. URL: <https://drugoigorod.ru/melamed-bezimyanka>
- Lotman Yu.M., 2002. The Symbolism of St. Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City. *Istoriya i tipologiya russkoj kultury*. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., pp. 30-45.
- New Life for Historic Cities: An Exposition of an Approach Focused on Historic Urban Landscapes, 2013. UNESCO. URL: <https://whc.unesco.org/document/128592>
- Project “Uralmash”: *The Cultural Future of [Post]Industrial Cities. Materialy mezhdunar. simpoziuma (Yekaterinburg, May 31 – June 3, 2017)*, 2017. Yekaterinburg, Yekaterinburgskaya akademiya sovremennogo iskusstva.
- Revzin G.I., 2019. What Can Be Done from the Old City? *Kommersant Weekend*, no. 42, p. 18.
- Serto M. de., 2013. *The Invention of Everyday Life. 1. Art of Making*. Saint Petersburg, Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Starodubrovskaya I. (ed.), 2011. *Strategies for the Development of Old Industrial Cities: International Experience and Prospects in Russia*. Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara.
- Trubina E.T., 2013. Coming to Terms with Decline: Ruins 2.0. *Neprikosnovennyj zapas*, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2013/3/primiryayas-s-upadkom-ruiny-2-0.html>
- Assmann J., 2011. Communicative and Cultural Memory. Meusburger P., Heffernan M., Wunder E (eds.). *Cultural Memories. The Geographical Point of View*. Dordrecht, Springer, pp. 15-28.

Information About the Author

Larisa G. Ilivitskaya, Doctor of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Culturology, Samara State Medical University, Chapaevskaya St, 89, 443099 Samara, Russian Federation, l.g.ilivitskaya@samsmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>

Информация об авторе

Лариса Геннадьевна Иливицкая, доктор философских наук, доцент кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет, ул. Чапаевская, 89, 443099 г. Самара, Российская Федерация, l.g.ilivitskaya@samsmu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3339-9946>